

M-25
АКАДЕМИИ НАУК РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

На правах рукописи
УДК 90+902/(479.24.25)

МАРГАРЯН ЕРВАНД ГРАНТОВИЧ

СВЯТЫНИЩА СТРАНЫ КОМПАГЕНЫ И АРМЕНИЯ

Специальность: 07.00.02 - Отечественная
история

А в т о р е ф е р а т
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

ЕРЕВАН - 1992

Работа выполнена в Отделе истории древнего мира Института истории Академии наук Армении.

Научный руководитель – доктор исторических наук, академик Г.Х.Саркисян

Официальные оппоненты – доктор исторических наук Г.А.Тирацян, доктор исторических наук А.А.Степанян

Ведущая организация – Ереванский государственный университет.

Защита состоится " " 199 г. в часов на заседании Специализированного совета Д 005.19.01 по защите диссертации на соискание ученой степени доктора наук в Институте истории АН Республики Армения (375019, Ереван-19, пр. Маршала Баграмяна, 24-г).

С диссертацией можно ознакомиться в научном кабинете Института истории АН Республики Армения.

Автореферат разослан " " 199 г.

Ученый секретарь
Специализированного совета,
кандидат исторических наук

Р.Д.Азизбекян

*Согласно
решению
специализированного совета
от 8.01.93*

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы. История Коммагены, одной из стран Переднеазиатского историко-культурного региона, расположенной в непосредственном соседстве от Великой и Малой Армений, представляет большой интерес как для специалистов по эллинизму в целом, так и для арменоведов-античников, которые и в своих исследованиях неоднократно затрагивали различные аспекты истории и культуры этой страны и, в первую очередь, ее связи с Арменией. Это объясняется наличием богатого и весьма разнообразного археологического и эпиграфического материала по истории и культуре Коммагены эллинистического периода и с возможностью провести аналогии и сравнения между этими материалами и имеющимися в нашем распоряжении сведениями об Армении. При этом, сравнительно-сопоставительный анализ истории и культуры двух стран оказывается весьма продуктивным, ибо позволяет историкам-арменоведцам полнее представить себе картину внутренней жизни древней Армении и осветить некоторые темные пятна ее истории. Одновременно такой подход оказывается продуктивным и для изучения внутренней жизни самой Коммагены, ибо многое из того, что нам известно о древней Армении, в свою очередь, может пополнить недостающие звенья истории и культуры этой страны. То есть актуальность темы вытекает из ее сопоставительности, при которой ярко выявляются общие и особенные черты обеих стран.

Цели и задачи исследования. Данная работа является попыткой, путем сравнительно-сопоставительного анализа, рассмотреть взаимовлияние и взаимопроникновение коммагенской и армянской культур, с целью обнаружить корни тех широких исторических общностей, следы которых наблюдаются в Армении еще долго после упадка Коммагены. В этом плане на основании эпиграфических и нарративных материалов делаются некоторые обобщения относительно титулатуры коммагенских и армянских царей и династий, культа бога Митры и том месте, которое он занимал в обеих странах, будучи династическим божеством, а также относительно военной организации и укреплений храмов, места и роли жреческого сословия и, особенно, верховных жрецов и первосвященников в Коммагене и Армении, формах землепользования, иеродулии и т.п.

Научная новизна работы состоит в проделанном впервые детальном сопоставительном анализе титулатуры коммагенских и армянских царей, на основе которого удается выявить определенные закономерности в титуловании монархов всего Переднеазиатского региона и концептуальные различия между восточной и греко-римской традицией титулования правителей и династий, а также выявить ту роль, которую играл Митра в Армении и Коммагене как династическое божество.

Кроме того, на основе изучения данных об армянских и коммагенских культовых центрах в диссертации делается ряд новых заключений относительно храмовой земли и статуса иеродулов в храмах и святилищах, о привилегированном положении служителей культа, месте и роли в армянской действительности языческих храмов и их наследницы - христианской церкви, как самостоятельной экономической и политической силы.

Делается попытка реабилитировать точку зрения Н.Адонца и Я.Манандяна относительно сословно-классовой структуры общества в эллинистической Армении, где преобладающими были домашняя и храмовая формы рабства и почти полностью отсутствовала классическая форма рабства, присущая греко-римской цивилизации. Это было типично не только для Армении, но, как на это справедливо указывали еще В.Тарн, Э.Бикерман и др., для всего Переднеазиатского региона, включая Коммагену.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена и рекомендована к защите Отделом древней истории Института истории АН Армении. Некоторые положения работы были представлены нами в докладе на тему "Две традиции титулования восточных правителей в эпоху эллинизма (на основе исследования титулатуры коммагенских и армянских царей)", прочитанном и обсужденном на 23-й сессии молодых ученых Института истории АНА.

Тема данной диссертации относится к эллинистическому периоду, в частности, охватывает временной отрезок от II в. до н.э. - I в. н.э. Однако для того, чтобы вопрос, поставленный в данной работе, получил более основательное разрешение, и для выяснения корней рассматриваемых явлений оказалось необходимым обратиться к материалам предшествующих и последующих эпох. В частности, нами были привлечены материалы, относящиеся к ахеменидскому и постэллинистическому, а также раннесредневековому периодам в

той степени, в какой они способствуют разрешению того или иного вопроса, поставленного в нашей диссертации.

Источники. В диссертационной работе нами были привлечены следующие группы источников: 1) нарративные, 2) археологические и непосредственно связанные с ними эпиграфические. В свою очередь, первую группу источников можно подразделить на две группы: а) античные источники (Диодор, Страбон, Иосиф Флавий, Плутарх, Дион Кассий и др.) и б) армянские средневековые авторы (Агатангелос, Фавстос Бузанд, Мовсес Хоренаци, Лазар Парледи, Ован Мамиконян, как и народный эпос "Сасна цурер").

Каждая из вышеназванных подгрупп имеет свои особенности. Сочинения античных авторов, которые в большинстве своем, хоть и были современниками, либо же стояли близко по времени к описываемым событиям, носят тем не менее случайный, эпизодический характер и, к тому же, практически не затрагивают многие аспекты внутренней жизни исследуемых стран. Объясняется это прежде всего тем, что в центре внимания этих авторов находилась, по преимуществу, история обществ, входивших в ареал греко-римского историко-культурного мира, представителями которого они себя ощущали. История же стран и народов, не входивших в этот мир, либо находящихся на его периферии, интересовала этих авторов лишь в той степени, в какой она перекрещивалась с историей упомянутого культурного мира. Армения, как и Коммагена, входила в число стран второй категории и потому вся информация, которую мы черпаем у греко-римских авторов, относится, в основном, к их политической истории и перемежается долгими периодами молчания, когда греко-римские нарративные источники практически не дают никаких сведений.

Что же касается армянской историографии, то она берет свое начало в V в. н.э. и по времени далеко отстоит от исследуемого нами эллинистического периода.

Тем не менее, в этих источниках, либо в виде традиции, либо в пережиточной форме содержится масса интереснейшего материала, пригодного для сопоставления с материалом Коммагены эллинистического периода.

Неоценимое значение для нас имеет вторая группа источников - археологические и эпиграфические материалы из Коммагены и Армении. Однако, к сожалению, численность соответствующих

памятников в Армении пока невелика (хотя, как показывает опыт последних десятилетий, она способна расти) и потому, в ходе работы над диссертацией, нам приходилось, в основном, опираться лишь на хорошо изученные археологические и эпиграфические материалы из Армавира и Гарни.

Гораздо богаче эта группа источников представлена в соседних с Арменией малоазийских странах и, в первую очередь, в Коммагене. Среди этих источников, прежде всего, необходимо отметить материалы из двух святилищ, обнаруженных в конце прошлого и в середине нынешнего столетий на территории Коммагены немецкими учеными.

Первое святилище, раскопанное в 90-х гг. XIX в. немецким путешественником и археологом-любителем (ранее обнаружившим Пергам) О.Пукштайном и историком К.Хуманном, положило начало археологическим исследованиям этой страны¹. Здесь были обнаружены многочисленные памятники материальной культуры, относящиеся, в основном, к эллинистическому периоду, среди которых особое место занимает находящееся на горе Немруд, одной из вершин Армянского Тавра, самой высокой точке в Коммагене, святилище-усыпальница коммагенского царя Антиоха I (прибл. 90-30 гг. до н.э.), именуемое "гиротесийон" термин (встречающийся только в коммагенских надписях), который можно перевести как "священное установление". Здесь же сохранились надписи на древнегреческом языке, очень важные для изучения социально-экономической и политической истории, религиозных воззрений и культовых обрядов, а также культуры страны в целом.

В 1861-66 гг. на территории бывшей Коммагены работала совместная американо-немецкая археологическая экспедиция во главе с Ф.К.Дёрнером и Т.Гёлл. В результате систематических раскопок был обнаружен новый памятник, относящийся к эллинистическому периоду - город Арсамея на Нимфе с типичным для данного региона и времени святилищем. Выяснилось, что этот город и святилище были построены коммагенским царем из династии Ервандаканов Митридатом I Коммагенским и достроены его сыном Антиохом I, о чем

¹ Раскопкам в Коммагене была посвящена книга К.Хуманна и О.Пукштайна *Reisen in Kleinasien und Nordsyrien* (Путешествия в Малой Азии и Северной Сирии"), Berlin, 1890 - первое исследование, специально посвященное истории и памятникам культуры этой страны.

свидетельствует греческая надпись, обнаруженная здесь. Все археологические и эпиграфические материалы из упомянутых коммагенских святилищ и явились источниковедческой базой данной диссертации.

Изнученность проблемы. В зарубежной и отечественной науке вплоть до конца прошлого века не было исследований, посвященных политической истории и культуре Коммагены эллинистического периода и, тем более, ее взаимоотношениям и связям с соседними странами, в том числе с Арменией. Причиной такого положения было отсутствие археологического и эпиграфического материалов при скудости данных об этой маленькой стране в античных источниках. В произведениях Полибия, Страбона, Диона Кассия и др. античных авторов даются лишь отрывочные и поверхностные сведения относительно политической истории и почти не затрагиваются большинство аспектов внутренней жизни этой страны. В конце XIX в. немецкие археологи открили монументальные ансамбли типично эллинистических памятников, связанных с династическим культом правителей этого мини-государства и подробно осветили и прокомментировали их.

Упомянутая выше книга К.Хуманна и О.Пукштайна сыграла ключевую роль в формировании наших представлений о масштабах и степени эллинизации малых стран и явилась исключительно важным источником для изучения восточного эллинизма в целом.

Следующим исследованием, посвященным той же теме, явилась книга Ф.Дёрнера и Т.Гёлл¹, сообщающая новые подробности о политической истории, а также материальной и духовной культуре страны Коммагены. Одним из достоинств этой книги является то, что ее авторами впервые в западной историографии проводятся параллели между двумя соседними странами - Арменией и Коммагеной, являющимися составными частями единого историко-культурного региона. Но в то же время, как было справедливо отмечено Г.А.Тирацяном, то обстоятельство, что авторы не были знакомы с рядом трудов советских и армянских ученых, в определенной степени ограничило возможности концептуального обобщения собранного ими богатого материала².

¹ F.K. Dörner / Th. Goel, *Arsameia am Nymphaios, Berlin, 1963*.

² Г.А.Тирацян, Новый эллинистический центр в стране Коммагене. Рец. на книгу Ф.Дёрнера, Т.Гёлл *Arsameia am Nymphaios, Berlin, 1963*", ВОНАН, 1969, № 3, с.94. (на арм.яз.).

В течение последних десятилетий к коммагенскому материалу обращался также ряд советских исследователей, среди которых особенно необходимо отметить К.В.Тревер, пожалуй, впервые отметившую общности коммагенской и армянской культур в эллинистический период. Особенно интересны ее наблюдения относительно сходства культа бога Митры в Коммагене и Армении, а также о том месте, которое он занимал в пантеоне этих стран¹.

Более обстоятельно вопросы сходства и взаимодействия коммагенских и армянских культур в указанный период были исследованы в трудах армянских ученых. Важное значение для развития такого подхода в деле изучения истории как Армении, так и Коммагены имеют труды Г.А.Тирацяна, Г.Х.Саркисяна, А.Г.Периханян, С.М.Крякшаряна и других армянских ученых.

В частности, Г.А.Тирацяном впервые были привлечены коммагенские материалы для освещения целого ряда вопросов истории и культуры Армении. Им было обращено внимание на родство в области культуры и социально-экономических институтов, присущих эллинизму. Особое внимание было уделено сходству культовых сооружений (корни которого уходят еще в урартский период), скульптуры, эпиграфического материала и др. На основе коммагенской эпиграфики была сделана попытка осветить некоторые темные вопросы, касающиеся династии Ервандаканов, территории их государства и т.д.².

Довольно подробная характеристика таких эллинистических институтов как литургия, дарение земель и рабов храмам и храмовым объединениям в Армении и в сопредельных с ней малоазийских странах, в том числе в Коммагене, дается в исследованиях А.Периханян³. В этих исследованиях говорится о собственности на

1 К.В.Тревер, Очерки по истории культуры древней Армении, Москва-Ленинград, 1957, с.77-95.

2 Г.А.Тирацян, Страна Коммагена и Армения, Известия АН Армянской ССР, общественные науки, 1956, № 3; его же, Урарту и Армения (К вопросу о преемственности материальной культуры). Доклад на II Международном симпозиуме по армянскому искусству, Ереван, 1978; его же, "Культура древней Армении, VI в. до н.э. - III в. н.э. (по археологическим данным)", Ереван, 1988.

3 А.Г.Периханян, Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н.э. - III в. н.э.), М., 1959.

"священную землю" и статусе веродулов, на примере коммагенских святилищ и проводятся аналогии последних с храмовыми объединениями Армении.

Почти одновременно с этим в своих первых исследованиях Г.Х.Саркисяном впервые было обращено внимание на богатый материал из Коммагены, относящийся к обожествлению царя и правящей династии, и проведены параллели с аналогичными материалами из армянской действительности, подчеркнутыми у раннесредневековых армянских авторов и, в первую очередь, у Мовсеса Хоренаци. Эта тема получила свое дальнейшее развитие в последних работах Г.Х.Саркисяна⁴, в которых много внимания было уделено также и другим институтам.

В дальнейшем ряд вопросов, связанных с некоторыми эллинистическими институтами в Армении и аналогичными институтами в Коммагене, обсуждался С.Крякшаряном³ и Б.Н.Аракелян⁴.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, историко-географического очерка, трех глав и заключения (173 страницы машинописного текста). В приложении содержится список цитируемой литературы (120 названий).

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во введении изложены цели и задачи работы, обоснован выбор темы, рассмотрена степень ее изученности, определены хронологические рамки и охарактеризованы источники, дан краткий очерк истории политических и культурных связей и взаимоотношений Коммагены и Армении.

Глава I - "Титулатура царя Антиоха I. Ее политический и культурный смысл" - Здесь подробно рассматривается титулатура царя Коммагены Антиоха I в сравнении с титулатурой правителей

1 Г.Х.Саркисян, Тиграканерт. Из истории древнеармянских городских общин, М., 1960.

2 Его же, Обожествление и культ царей и царских предков в древней Армении, ВДИ 1966, № 2; его же, Армения эллинистического периода и Мовсес Хоренаци, Ереван, 1966 (на арм. яз.).

3 С.М.Крякшарян, Очерки истории городов древней Армении и Малой Азии, Ереван, 1970 (на арм.яз.).

4 Б.Н.Аракелян, История армянского народа, I, Ереван, 1971, с.905 (на арм.яз.).

сопредельных с Коммагеной стран и, в первую очередь, Армении.

Глава разделена на 5 разделов, каждый из которых посвящен одной из составных частей титулатуры Антиоха I.

I. "Βασιλεὺς μέγας" ("Великий царь"). Мы пришли к выводу, что в исследуемый период существуют две концепции титулования правителей и династий - греко-римская и местная - перднеазиатская. Первая предполагает, что титул "царь" ("βασιλεὺς") имеет право носить лишь правитель суверенной страны, не находящийся в вассальной зависимости от правителя какого-либо другого государства. Правители же, в силу тех или иных обстоятельств, находившиеся в вассальной зависимости от более сильного государства (такого, например, как Селевкидская держава), нередко именовались сатрапами, стратегами, династами, архонтами, эпистатами и т.д., подобно назначаемым царем областеначальникам.

Вторая, местная традиция допускает титул "царь" также у правителя или династа, находящегося в зависимости от своего сюзерена, но при условии, что он является представителем более или менее древнего местного царского рода или находится в родственных связях с какой-нибудь древней и престижной династией или династиями из соседних стран (например, с Ахеменидами, Селевкидами и т.п.). Правители же суверенных или даже формально суверенных стран, согласно местной восточной концепции титулования правителей, чаще всего обладали титулами более высокого ранга, например, "великий царь" или даже "царь царей". Второй из вышеупомянутых титулов свидетельствует о том, что данный правитель обладает сюзеренными правами по отношению к правителям других стран, входивших в его государство. Титул же "великий царь" свидетельствует лишь о суверенитете данного правителя (причем, иногда формально) по отношению к правителям других стран.

Обе вышеупомянутые концепции могут встречаться в тех же странах в один и тот же период, в зависимости от источников, политической конъюнктуры или среды - восточной или греческой, где традиционно была распространена та или иная концепция титулования правителей своей страны. Различие концептуальных подходов в греко-римском и восточном мирах объясняет и несоответствие титулов одних и тех же правителей у греко-римских авторов и в местных эпиграфических, нумизматических и других материалах,

что в диссертации подробно показано на примерах.

2) "Φιλορωμαίος καὶ Φιλέλλην" ("Филоромей и Филэллин"). Термины "Филоромей" и "Филэллин" в вышеупомянутой титулатуре, несмотря на свое внешнее сходство, принципиально отличны друг от друга. Термин "Филоромей" имеет политический смысл и свидетельствует об определенной зависимости от Рима. У коммагеноского царя Антиоха он был связан с объявлением его "другом и союзником римского народа". Это явилось, по-видимому, результатом договоренности между Помпеем и Антиохом после окончания римско-армянской войны в 66 г. до н.э. и распада державы Тиграна II.

В отличие от титула "Филоромей", титул "Филэллин" у Антиоха I, как и у других коммагеноских, а также армянских или иных царей, не выражает внешних политических симпатий того или иного монарха. Он лишь свидетельствует о том, что правитель, обладающий этим титулом, мог иметь среди своих подданных немало эллинов. При этом термин "эллин" здесь нужно понимать расширительно, ибо, как было показано многими исследователями, в указанную эпоху он уже охватывал не только греко-македонский пришлый элемент, но и эллинизированную часть местной знати и гражданское население эллинистических подлгов.

Титул "Филэллин" символизировал также покровительственное отношение данного царя к греческой культуре - языку, литературе, театру, наукам, искусству, архитектуре и т.п.

3) "Θεός" ("Бог"). Как видно из чемрудской и арсамейской надписей, составной частью титулатуры Антиоха I Коммагеноского был титул "Бог" "Θεός", который здесь является свойственным данному периоду знаком обожествления царя и правящей династии. Вероятнее всего, этот титул Антиох унаследовал у своих селевкидских предков, у которых тот же титул, судя по всему, унаследовал и его современник - армянский царь Тигран II, объявивший себя "Богом" после того, как завоевал государство Селевкидов и выступил в качестве их политического преемника.

4) "Βασίλισσα Λαοδίκης Θεῆς Φιλαδέλφης" ("Царица Лаодики Богини Филадельфы"). О том, что Антиох унаследовал титул Бог у своей матери - Лаодики - принцессы из дома Селевкидов, дочери Антиоха VIII Грипа, свидетельствует ее божественный титул

Θεά "Богиня", которого мы не встречаем в титулатуре отца Антиоха Митридата I Каллиника.

У Селевкидов, очевидно, Антиох унаследовал и свое греческое имя (до него ни один правитель из династии Ервандаканов в Коммагене или Армении не носил греческого имени). Скорее всего это имя было унаследовано Антиохом у его деда с материнской стороны Антиоха VIII Грипа и являлось своего рода почетным титулом.

В титулатуре Лаодики из вышеупомянутых надписей обращает на себя внимание очень распространенный в данный период термин *φιλάδελφος* "Братолюбивый", "Братолюбивая"), который свидетельствует о том, что у царицы были братья. И действительно, кроме Леодики Антиох VIII Грип имел пять сыновей.

5) "...ὁ ἐκ βασιλέως Μιτράδατου Καλλινίκου" (происшедший от царя Митридата Каллиника"). Гораздо меньше сведений в немрудской и арсамейской надписях содержатся об отце Антиоха МитриDATE I Каллинике, который, однако, в свое время и был относительно крупной политической фигурой в данном регионе. В годы правления этого царя Коммагена стала довольно сильным государством, настолько, что Селевкидские правители не сочли зазорным выдать за него замуж принцессу из своего дома. О том же свидетельствует его почетное прозвище Каллиникос - "Победный".

Глава II - "Митра - династическое божество коммагенских и армянских царских династий" - Здесь отмечается, что для изучаемого периода истории двух стран характерно также сходство традиций, связанных с культом царя и правящей династии. Иллюстрацией тому может послужить отождествление правящего царя с богом Митрой, который, очевидно, был династическим божеством правивших в обеих странах двух ветвях династии Ервандаканов, а также, судя по всему, правивших вслед за ними в Армении Арташесидов и Аршакидов.

Глава состоит из четырех частей. Первая часть называется "Митра *Ἐπιφανής* - династическое божество Коммагенских Ервандаканов", где рассматривается версия Ф.К.Дёрнера относительно того, что в Коммагене династическим божеством правящей династии был бог Митра Явленный. Одно из подтверждений своей версии Ф.Дёрнер находит в наличии эпитета *Ἐπιφανής*

в титулатуре царя Антиоха I Коммагенского¹. И действительно, очевидно, что в древности эпитеты божеств часто заменяли их основные имена и подчас даже были более распространены. Одним из таких эпитетов, принадлежащих Митре, был *Ἐπιφανής* - "Явленный" ("Являющийся на помощь"), т.е. эпитет, который мы встречаем и применительно к Антиоху, из чего можно предположить, что он отождествлял себя с богом солнца и огня Митрой Явленным. Не исключено, что и его отец отождествлял себя с Митрой, причем его имя (Митридат - "дарованный Митрой"), могло быть ему присвоено в связи с его посвящением богу Митре.

Подтверждением этой версии является очевидно и то обстоятельство, что в Коммагене в годы царствования вышеупомянутых правителей культ Митры занимал исключительное место: ему были посвящены многочисленные святилища, в частности Арсамейское, а может быть и святилище на горе Немруд.

Часть вторая называется "Митра - династическое божество царских династий в Армении. Различные ипостаси Митры". Поскольку в Армении, как и в Коммагене, в начале эллинистической эпохи правила династия Ервандаканов, то, естественно, напрашивается предположение, что в обеих странах могло быть общее династическое божество - наиболее почитаемое в данном регионе божество, олицетворяющее собой свет, тепло и справедливость - Митра. О Коммагене было сказано выше, а в отношении Армении подтверждение этому мы находим в одной из Армавирских греческих надписей, где упоминается имя "царя Армавирицев Митраса", верховного жреца одноименного бога Митры, который обращается с посланием к царю Армении Евронту (Ерванду). Надо полагать, что имя Митрас было не личным, а жреческим, т.е., как полагает С.Кряжарян, присвоенным ему при введении в сан верховного жреца бога Митры².

Этот факт дополняется сообщением Мовсеса Хоренаци о том, что брат Ерванда Ервас был верховным жрецом храма Солнца и Луны, перенесенного по приказу царя из древней столицы Ервандаканов Армавира в Багаран, расположенный недалеко от новой столицы Ерванда Последнего. Возможно, именно эти события и явились

¹ F. K. Dörner / Th. Goell, *Arsameia im Nymphaios* ...
² С.М.Кряжарян, Очерки истории городов..., с.137.

поводом для назначения царем Ервандом верховным жрецом бога Митры своего брата Ерваза, который получил при этом жреческое имя Митраг.

Митра, по-видимому, был одним из династических божеств также Арташесидов. Указание на это мы находим в народном эпосе "Сасна црер", где встречаем образ Митры (*Митр*), трансформированного в близкого героя *Митра* и сохраняющего при этом ряд прежних черт и качеств. Согласно версии М.Абегяна, *Митер-Митра* (*Митр*) из эпоса "Сасна црер" идентичен или сопоставим с армянским царем Артаваздом, миф о котором сохранился в "Истории Армении" Мовсеса Хоренаци¹. С другой стороны, как справедливо полагает Г.Х.Саркисян, армянский царь Артавазд II (55-34 гг. до н.э.) отождествлял себя с Митрой².

Что касается Аршакидов, то и здесь имеются очень интересные факты. Это прежде всего второе (скорее всего, также жреческое) имя другого верховного жреца бога Митры царского происхождения - самого Трдата I Аршакида, который величает себя в своей гарнийской надписи именем бога Солнца - Гелиоса, который в Армении и Иране отождествлялся с богом Митрой и был одной из его ипостасей. Прямые и косвенные свидетельства того, что Митра действительно был одним из династических божеств царей в языческой Армении, мы находим также в повествованиях Агатангелоса, Фавстоса Бузанда и других раннесредневековых армянских историков; все эти свидетельства подробно рассматриваются в диссертации.

В конце второй части рассматриваются ипостаси Митры, которые он имел в Армении и Коммагене. Как видно из коммагенских эпитафических материалов и армянских источников, Митра в обеих странах отождествлялся с Солнцем-Аполлоном-Гелиосом, а в Коммагене еще и с Гефестом-Огнем и Гермесом.

Третья часть называется "Об официальном дне рождения коммагенских и армянских царей эллинистического периода". Здесь прежде всего рассматривается вопрос об официальной дате рождения коммагенских Ервандаканов и рассматривается предположение о том, что такой датой должно быть 16-ое число месяца Авдней се-

1 М.Абегян, Труды, III, Ереван, 1975, с.73.

2 Г.Х.Саркисян, Армения эллинистического периода..., с.57.

левкидского календаря. Как видно из арсамейской и немрудской надписей, эта дата была днем рождения коммагеческих царей Митридата I и Антиоха I. Настораживает то обстоятельство, что дни рождения царственных отца и сына приходились на один и тот же день, да еще совпадали с 16-ым числом, днем, посвященным у многих древних народов богу Митре. Ф.К.Дёрнером была выдвинута гипотеза, согласно которой дата 16 Авдней являлась не подлинным, а официальным днем рождения двух царей и была приурочена ко дню, посвященному Митре, - династическому божеству коммагенских Ервандаканов¹.

В армянской действительности аналогичным днем, посвященным династическому божеству Митре-*Митру*, было 8-ое число каждого месяца в году и весь седьмой месяц (*Меһ екан*) армянского календаря².

Далее проводятся аналогии между праздниками, приуроченными ко дню рождения Митры, проводившимися во всех коммагенских счастилищах и сходными с ними праздниками, проводившимися в святилищах-усыпальницах армянских царей, возможно, в те же дни. Описание подобных празднеств в Армении мы находим у Мовсеса Хоренаци, а также Фавстоса Бузанда и других армянских авторов.

Четвертая часть главы называется "Богини-покровительницы царских династий в Армении и Коммагене". В Армении богиней-покровительницей страны и царской династии выступала богиня Анчит. Это обстоятельство рассматривается на фоне высказанного Г.Х.Саркисяном мнения о том, что в Армении обожествлялись не только цари, но и царицы³. Эта версия конкретизируется им на примере последней царицы из династии Арташесидов - Эрато, которая, по его мнению, получила это имя по поводу своего обожествления. Однако, как нам кажется, в Армении Эрато олицетворяла собой не музу любовной поэзии Эрато - это маловероятно из-за второстепенности этой богини и отсутствия аналогичной богини в армянском

1 F.K.Dörner/Th.Goett, *Arsameia am Nymphaios*...

2 Г.С.Бадалян, История календаря, Ереван, 1960, с.100 (на арм.яз.); его же, История армянского летоисчисления, Ереван, 1976, с.34 (на арм.яз.); История армянского народа, т.II, Ереван, 1984, с.539 (на арм.яз.).

3 Г.Х.Саркисян, Царица Эрато, "Кавказ и Византия", № 2, с.21.

пантеоне, - а саму богиню Анаит, то есть являлась одной из ее ипостасей, каковой, по-видимому, была также богиня Астхик-Афродита. Кстати, в Греции имя Эрато отмечено так же, как эпитет Афродиты¹.

В Коммагене богиней-покровительницей страны, подобной Анаит, несомненно, была, как явствует уже из ее имени, богиня Коммагена, чью гигантскую статую мы встречаем в святилище на горе Немруд рядом со статуями Зевса-Оромазда, Митры-Аполлона-Гелиоса, Геракла-Артагна и самого царя Антиоха.

Следующая III глава диссертации - "Социально-экономическая основа культовых центров Коммагены и Армении" - посвящена рассмотрению некоторых социально-экономических институтов двух стран в их сопоставлении. Первый раздел главы называется "Военная организация храмов Коммагены и Армении". Здесь рассматриваются сведения, приведенные в надписях из арсамейского и немрудского святилищ о том, что вышеуказанные культовые центры были окружены крепостными стенами и здесь были размещены хорошо вооруженные "многочисленные гарнизоны". Кроме того, в своих надписях Антиох рассказывает с военном снаряжении и продовольственных запасах, которые он оставил в складах крепостей и святилищ на случай войны, предназначенные, видимо, для населения близлежащих сел и деревень, находившихся в подчинении у храмов и обязанных нести во время войны воинскую и саперную службу. Эти сообщения подтверждаются результатами раскопок в Арсамее. Интересно отметить, что оба вышеупомянутых святилища, как и большинство других культовых центров Коммагены, были расположены в труднодоступных окруженных горными массивами, местностях. Все это, как отмечалось А.Периханя², было характерно для малоазийских культовых центров вообще.

Армения не составляла исключения из этого правила. Наиболее типичным примером этого явления на армянской почве является храм Гарни, расположенный в труднодоступном месте (с трех сторон он окружен крутым обрывом, а с четвертой защищен мощной крепостной стеной). Сведения о подобных оборонительных сооружениях мы можем найти и у Мовсеса Хоренаци и других армянских авторов.

¹ PW RE 17. Halbband, col, 931 ff.

² А.Периханян, Храмовые объединения..., с.7.

О военных силах храмов Армении рассказано у Агатангелоса, который, описывая историю христианизации Армении, сообщает, что правительственная армия во главе с Трдатом III и Григорием Просветителем, уничтожая во многих областях языческие храмы и капища, брала приступом крепости и другие укрепления, которые защищались вооруженными служителями культа и жителями окрестных сел и деревень. Очевидно, помимо различных других обязанностей, они должны были также нести военную службу в своих храмах. Как сообщает Ован Мамиконян, и как можно понять из указания Агатангелоса, жрецы и местные крестьяне упорно сопротивлялись насаждению христианства и уничтожению своих культовых центров.

Храмовые аваны, согласно хронике Ована Мамиконяна, выставляли конников и пехотинцев; последние подразделялись на лучников, пращников и копьеносцев¹. Во главе храмового войска, как и в малоазийских странах², здесь стоял верховный жрец. В этой связи очень интересно сообщение Хоренаци о том, что сын Арташеса Мажан стремился быть одновременно верховным жрецом и "военачальником запада". Судя по этому сообщению, назначение жреца на должность главнокомандующего войском в древности не воспринималось как нечто из ряда вон выходящее. Вышеупомянутые сведения, почерпнутые у армянских авторов, демонстрируют военную организацию храмов в эллинистическую эпоху и показывают живую картину военных нравов служителей культа в указанный период. Все это, в свою очередь, проливает свет на упомянутые выше аналогичные явления в сопредельной Коммагене.

К сказанному остается лишь добавить, что военные организации армянских храмов не сразу исчезли и после насаждения здесь христианства и проявлялись в среде духовенства. И.Манандян склонен видеть в этих явлениях подражание средневековому рыцарству. Однако,

1 А.Периханян, Храмовые объединения..., с.80.

2 С.М.Кркияшарян, Очерки истории городов..., с.156.

3 Я.Манандян, Феодализм в Армении, Труды, IV, с.199-300.

А.Периханян¹ и С.Кряжарян² справедливо полагают, что военные наклонности армянского духовенства в начальный период христианства следует искать в пережитках традиций его предшественника - армянского жречества.

Раздел второй главы называется "Наследственность жреческих и церковных санов в Коммагене и Армении". В одном из фрагментов Арамейской надписи отчетливо охарактеризован статус жрецов и храмовых служителей. Должность верховного жреца одного из крупнейших (наряду с Немрудским) святилища коммагенских царей, по устаревшему Антиоха I, должна была передаваться по наследству. В Армении также жреческие должности передавались внутри одного и того же рода. На это недвусмысленно указывают сообщения раннесредневековых армянских историков Мовсеса Хоренаци, Агатангелоса, Ована Мамиконяна.

Из источников также видно, что традиция передачи по наследству высшей духовной власти в Армении, как и многие другие институты, уходит корнями в языческие времена. Они сохранились и в раннехристианский период.

Наряду с этим, в ряде случаев, как видно из источников, сан верховного жреца и первосвященника и в Армении, и в Коммагене передавался и ближайшим родственникам царя - его братьям и сыновьям. Нередко цари сами выполняли функции верховного жреца.

Раздел третий называется "Политическое могущество жреческих и церковных родов Армении и Коммагены. Их противостояние царской власти". Из известных нам ведущих родов древней Армении в этом аспекте выделялся крупный клан - Вакуни. По мнению некоторых исследователей, жреческим был и род венцелагателей армянских царей Багратидов³. Известен также воинственный род Гисане и Деметра, стоявший во главе небольшого теократического госу-

¹ А.Т.Периханян, там же, с.81.

² С.М.Кряжарян, Очерки истории городов древней Армении и Малой Азии, Е., 1970, с.156.

³ А.М.Гарагалян, Критическая история Армении, часть I, Тифлис, 1895, с.178 (на арм.яз.); С.М.Кряжарян, Очерки ист. городов, с.152.

дарства в Тароне.

В руках подобных родов была сосредоточена духовная власть в Армении. Однако они играли важную роль не только в религиозной, но часто и в политической жизни страны. Обладая обширными земельными владениями, т.е. экономической самостоятельностью и военной организацией, эти роды нередко приходили к политическому противостоянию царской власти.

Из источников, в частности, видно, что еще Ервандаканы пытались ограничить экономическое и политическое могущество храмов и святилищ. В качестве примера можно привести рассказ Мовсеса Хоренаци о том, как Ерванд Последний, с тем, чтобы приостановить дальнейший рост могущества храмов и лишить их политического влияния, вместо старой столицы Армавира построил новую - Ервандашат, не сделав ее, однако, культовым центром страны, как это было раньше, "...ибо при том, что весь народ приходил бы туда для жертвоприношений, но не было бы возможности охранять этот город с должной осмотрительностью"¹. Вместо этого он основал новый культовый центр Багаран, куда "он перенес все идолы, какие были в Армавире, и, построив храмы, назначил первосвященником своего брата Ерваза"².

Как видно из источников, напряженные отношения между царем и отдельными жреческими родами сохранялись также при Арташесидах и Аршакидах. Так, Мовсес Хоренаци повествует, что жрецы из дома Вакуни, "после смерти Арташеса, в Тароне, в собственной своей деревне Аштишат" установили захваченные Арташесом во время войны изображения Аполлона и Артемиды, несмотря на приказ царя установить их в новом культовом центре династии, за что наследник престола Тигран, "разгневавшись на род Вакуни... лишил их (род) должности жреца..."³.

Как видим, цари, недовольные самовольством армянской иерократии, иногда лишали ее титулов и санов и также отбирали принадлежащие храмам и святилищам земли и работающим на них полукрепостных земледельцев-общинников, с тем, чтобы выбить экономическую основу у излишне самостоятельных родов.

¹ Мовсес Хоренаци, II, 40 (пер. Г.Х.Саркисяна).

² Там же.

³ Там же, II, 13.

Эти титулы и земли Арташесидами и Аршакидами нередко передавались в ведение другого жреческого клана, придерживающегося иной политической ориентации. На это, правда, уже на раннехристианской почве, обратил внимание еще Н.Адонц¹, который связывал поочередное возвышение двух армянских церковных родов - Григоридов и Албианидов с политической конъюнктурой и попеременным влиянием на армянскую действительность Римской империи и Ирана. При этом Григориды, как правило, выступали сторонниками имперской политики, что объясняется, по мнению Н.Адонца, различием христианских течений - греческим и сирийским, носителями которого были эти роды.

Нет ничего странного в том, что политика давления на центральную власть со стороны Григоридов, ревностных защитников интересов империи в Армении, часто вызывало раздражение у армянских царей. Политика же Албианидов, ставшая, по существу, национальной, импонировала армянским царям, и они при первой же возможности старались заменить Григоридов, находящихся в оппозиции, Албианидами.

Раздел четвертый - "Основная принадлежность служителей культа в Армении и Коммагене". Из многочисленных свидетельств армянских раннесредневековых авторов видно, что жречество и духовенство Армении в различные периоды, как было отмечено еще Я.Манандяном², причислялось к классу азатов и, в отличие от сословия "аназатов", освобождалось от выплаты налогов короне и несения различных повинностей. Аналогичные явления мы встречаем в Коммагене, где, как это видно из приведенного в разделе материала, жречество и другие служители культа освобождались от несения повинностей в пользу государства и выплаты налогов казне. Ту же картину мы наблюдаем и в других, соседних с Арменией и Коммагеной, странах в довольно ранний период, что свидетельствует о древности этого явления в данном регионе.

Раздел пятый - "Основные формы землепользования в культурных центрах Коммагены и Армении". В связи с недостаточностью местных источников по этому вопросу, он рассматривается суммарно, Г.Н.Адонц, *Армения в эпоху Юстиниана*, Ереван, 1971.
² Я.Манандян, *Феодализм в Армении*, Труды, IV, Ереван, 1981, с.288.

на фоне того, что нам известно о формах землепользования для всего переднеазиатского региона в эллинистическую эпоху. В работе приводится мнение крупнейших западных исследователей эпохи эллинизма - М.Ростовцева¹, В.Тарна², Э.Бикермана³, которые сходятся в том, что основная часть территорий государств подразделялась на три категории: 1) царские земли, 2) городские земли, земли племенной знати, военных поселенцев и т.д. и 3) храмовые земли. При этом, большинство культовых центров Передней Азии (как и Египта) являлись автономными храмовыми общинами типа государства, где "верховные жрецы и их коллеги продолжали оставаться владыками и хозяевами (*lords and masters*) населения самих храмов, храмовых городов и храмовых деревень"⁴.

На наличие аналогичных явлений в Армении указывают некоторые созвучные с коммагенскими и другими малоазиатскими материалами сообщения армянских историков, из которых видно, что храмы в Армении обладали значительными территориями с деревнями и агараками, расположенными на них, которыми управляли жреческие роды. В свое время на это указывали еще Н.Адонц и Я.Манандян, которые, как и вышеназванные исследователи, в подобных храмовых организациях и позднее - в аналогичных церковных институтах - усматривали феодальную (нахарарскую) основу.

По-видимому, на первых порах, земли, пожалованные царями многим переднеазиатским, в том числе армянским и коммагенским храмам, продолжали находиться под юрисдикцией царской власти и входить в разряд "царской земли", что засвидетельствовано многими источниками, например, Страбоном и немрудскими и арсамейскими эпиграфическими материалами. В то время иерократия пока еще формально не являлась собственником этой земли, а владела ею лишь на правах наследственного держания, что видно также из сообщений таких армянских авторов, как Агатаңгелос (781, 785, 790, 873), Мовсес Хоренаци (II, 12, 14, 49), Фавстос Бузанд (IV, 13, V, 31), Иоани Мамиконян (*Хроника Зеноба Сирийца*) и др.

Однако, в данный период начинают проявляться новые тенденции, в результате которых храмовые и церковные земли, по мере углубления
¹ M. Rostovtzeff, *The Social and Economic History of the Hellenistic World*, London, Oxford, 1953, с. 463.
² В.Тарн, *Эллинистическая цивилизация*, М., 1949, с.135-136.
³ Э.Бикерман, *Государство селевкидов*, М., 1975, с.166.
⁴ M. Rostovtzeff, там же, с.505.

ния феодальных отношений в Армении и дальнейшей, по выражению Н.Адонца, "феодализации или хахараризации храмов" и армянской иерократии превращались в полную собственность последней, выходя из-под контроля центральной власти.

Последний шестой раздел диссертации - "Непосредственные производители материальных благ на храмовых и церковных землях" - тематически связан с предыдущим разделом. Из-за очевидной недостаточности материала как в армянских, так и в коммагенских источниках, мы вынуждены рассматривать этот вопрос также в совокупности с данными других переднеазиатских источников, опять-таки прибегая к аналогиям и обобщениям.

Из трех категорий земли, упомянутых в предыдущем разделе, первая, по мнению большинства западноевропейских историков, была заселена царскими крепостными. Вторая, на первых порах, также считалась царской, однако, позднее, вместе с проживающим на ней сельским населением, она перешла в собственность своих претичных держателей. Земли третьей категории - храмовые, со временем, также стали полной собственностью храмовой иерократии. В ее распоряжении находилось также население, проживающее на храмовых землях.

Основной массой населения в самих храмах, храмовых городах и храмовых деревнях были "иероболог", "рабы" бога или богини, которые были обязаны прислуживать своим священным хозяевам и хозяикам"¹.

По мнению А.Периханяна, "термин "иеродул" имел двойное употребление, обозначая как незначительную прослойку храмовых рабов, в собственном смысле этого слова, так и "свободных", посвященных в храм или богу лиц, не терявших своего гражданского статуса и принимавших активное участие в культовых обрядах и действиях, становясь, таким образом, под особое покровительство храма и божества"².

Далее в разделе подробно рассматриваются три категории иеродулов, существовавшие в переднеазиатских культовых центрах. К первой категории иеродулов следует отнести полусвободных членов храмовой общины, статус которых был сродни статусу крепост-

¹ M. Rostovtzeff, там же, с.506.

² А.Периханян, Общество и Право Ирана в Парфянский и Сасанидский периоды, М., 1987, с.87.

ных. Именно они были основными производителями материальных благ на храмовых землях. Они также обязаны были выплачивать налоги в храмовую казну и нести военную службу в храмах.

Другой категорией непосредственных производителей на храмовой земле, также считавшихся иерулами, очевидно, были земледельцы-арендаторы. В основном, это были малоземельные крестьяне, чаще всего, члены храмовой общины, бравшие "священную землю" в срочное пользование.

И, наконец, к третьей категории иеродулов следует отнести храмовых рабов, статус которых мало отличался от статуса рабов, принадлежащих частным лицам, т.е. рабов в обычном понимании этого слова. По всей видимости, это была самая тонкая прослойка иеродулов, существовавшая в переднеазиатских храмах и святилищах, которая вследствие своей малочисленности и из-за своего несчастного положения не могла играть сколь-либо значительной роли в экономической и социальной жизни храмовых государств, как и всего общества в указанный период. В число иеродулов входили также певцы и музыканты, танцоры и храмовые проститутки, ремесленники, прислуга и др.

В связи со сказанным, встает вопрос о масштабах применения рабского труда вообще и той роли, которую он играл в жизни переднеазиатских обществ в эллинистический и постэллинистический периоды, а также вопрос о характере общественного строя переднеазиатских цивилизаций и, в первую очередь, древнеармянского общества.

Как справедливо было замечено Я.Манандяном, в Армении не было и не могло быть в большом количестве рабов, задействованных в крупных хозяйствах латифундиального типа, и потому не верна точка зрения тех ученых, которые считают, что "историческое развитие доаршакидской Армении протекало аналогично с развитием античных государств и что здесь, так же как и в Риме и в Греции, главной основой производства был рабский труд"¹.

Конечно, в эпоху эллинизма, точно так же как и в более поздние периоды, вплоть до позднего средневековья, в Армении применялся рабский труд. Однако, в основном, это было патриар-

¹ Я.Манандян, Актуальные вопросы историографии древней Армении, Труды, IV, Ереван, 1983, с.442.

хальное рабство и применение рабского труда, особенно в производстве, носило ограниченный, часто случайный характер и рабская сила, в отличие от классических рабовладельческих стран, таких как Греция и, особенно, Рим не оказывала существенного влияния на экономику общества и, в первую очередь, на сельское хозяйство. Об этом свидетельствует уже то обстоятельство, что в армянских источниках раннесредневекового периода для обозначения категорий несвободных людей в основном используются термины "ծառայի", "սիփիփի", "սիփիփիք", что указывает на их преимущественную занятость в домашнем хозяйстве, где они выступали в роли дворовой челяди и являлись скорее средством обеспечения комфорта своего господина, нежели непосредственными производителями благ.

Что же касается основной массы непосредственных производителей материальных благ в Армении, то к ним, в первую очередь, следует отнести свободных крестьян-общинников, а далее крепостных-мшаков, по своему статусу родственных "рабам, посаженным на землю", т.е. спартанским илотам, малоазийским лаой, римским колонам, французским сервам и т.п.

В заключении диссертации суммируются итоги проведенного исследования.

В приложении приводится список цитированной литературы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях автора:

1. Две традиции титулования восточных правителей в эпоху эллинизма (на основе исследования титулатуры армянских и комманийских царей), Тезисы доклада, прочитанного на 23-й сессии молодых ученых Института истории АНА, ноябрь 1992 г.

2. Митра - династическое божество коммагенской и армянской династий Ервандаканов (статья принята к изданию редакцией "Вестника общественных наук АНА").

Заказ 27

Тираж 100

Отпечатано на ротационном участке Центра научной информации по общественным наукам.

Адрес: Ереван-1, ул. Абовяна, 15.